

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE KATEEDER
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

V

Новая серия

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Редколлегия: А. Данилевский, Л. Киселева, Р. Лейбов,
Е. Погосян, П. Рейфман

Редактор тома: Л. Киселева

Технический редактор: С. Долгорукова

Авторские права:

Статьи: авторы, 2005

Составление: Кафедра русской литературы Тартуского
университета, 2005

ISSN 1024-3968
ISBN 9949-11-236-2

Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press
www.tyk.ee
Eesti / Estonia
Order no. 624

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Выход настоящего тома из новой серии «Трудов по русской и славянской филологии. Литературоведение» отделяет от предыдущего довольно долгий перерыв, и это обстоятельство нуждается в пояснении.

Научная жизнь кафедры и ее издательская деятельность развиваются динамично¹. За прошедшие четыре года нами были изданы три научных сборника², составлен и подготовлен к печати новый том работ Ю. М. Лотмана³, изданы доклады, прочитанные на международном конгрессе, посвященном 80-летию со дня рождения Ю. М. Лотмана, на секции «Русская культура *sub specie semioticae lotmanianaе*»⁴. Опубликовать материалы конгресса в «Трудах», как мы планировали⁵, оказалось делом совершенно нереальным: Лотмановский конгресс «Семиотика культуры: культурные механизмы, границы, самоидентификации», организованный нами в 2002 г. совместно с отделением семиотики и культурологии Тартуского универ-

¹ Достаточно полное представление об этом дает наш интернет-сайт www.ruthenia.ru/, а также кафедральная страница www.ut.ee/FLVE/ruslit/

² *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia VIII: История и историософия в литературном преломлении* / Ред. Р. Лейбов. Тарту, 2002. 350 с.; *Блоковский сборник XVI: Александр Блок и русская литература первой половины XX века.* / Ред. Л. Пильд. Тарту, 2003. 211 с.; *Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева* / Ред. Л. Киселева. Тарту, 2004. 426 с.

³ *Лотман Ю. М. Воспитание души* / Изд. подготовили: Л. Киселева, Т. Кузовкина, Р. Войтехович. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 624 с.

⁴ *Лотмановский сборник 3* / Ред. Л. Киселева, Р. Лейбов, Т. Фрайман (Степанищева). М.: ОГИ, 2004. 1008 с.

⁵ См. об этом: *Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. IV. Тарту, 2001. С. 6.*

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ

Выпускные работы на степень <i>Baccalaureus Artium</i> , защищенные на кафедре русской литературы 1999–2005	259
Диссертации на степень <i>Magister Artium</i> , защищенные на кафедре русской литературы 1992–2005	264
Диссертации на степень <i>Doctor Philosophiae</i> по кафедре русской литературы 1997–2005	270

IN MEMORIAM

Памяти Владимира Николаевича Топорова	275
Памяти Михаила Леоновича Гаспарова	281
Памяти Александра Павловича Чудакова	285
Памяти Тамары Павловны Милютиной	291
М. Г а с п а р о в. Сергей Сергеевич Аверинцев	297
Summaries	303

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР В РУССКОЙ
ОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА
ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

ЕЛЕНА ПОГОСЯН

Первые годы правления Елизаветы Петровны имели особое значение для развития официальной культуры: именно в период с осени 1741 по осень 1744 г. формируется ряд новых тем и сюжетов, которые сохранят свою актуальность не только при Елизавете, но и позднее, при Екатерине II.

Весь антураж восшествия на престол Елизаветы Петровны, выбор даты и костюма, жесты и речи были, без сомнения, изобретением самой Елизаветы. Ряд деталей был ею продуман заранее, некоторые были удачной и своевременной импровизацией [Pogosjan 2005].

В подготовке коронавания императрица также принимала непосредственное участие. Формально подготовка была возложена на Новгородского архиепископа Амвросия Юшкевича и генерал-губернатора Москвы графа Семена Андреевича Салтыкова, которым было предписано действовать «по примеру бывших коронаций императриц Екатерины Алексеевны и Анны Иоанновны» [Баранов: № 8719, № 8801]. «Таблицы» об этих коронациях впоследствии были приложены к церемониальному журналу 1742 г. [Журнал 1741–1742]. По всей видимости, они были затребованы императрицей в Кабинет и просмотрены перед тем, как были даны распоряжения об изменениях в порядке коронавания. Эти изменения носили самый серьезный характер:

Во-первых, — указывает Е. Анисимов, — число государственных регалий при коронации было увеличено — кроме короны, порфиры, мантии, скипетра и державы, появились Государственный меч, Государственное знамя и Государственная печать. Во-вторых, была изменена процедура коронации. Ушло в прошлое при-

ниженное отношение светской власти к духовной, когда коронуемый самодержец называл патриарха «отцом», просил «благословить его на царство» и, стоя на коленях, подставлял голову для короны. Теперь патриарха не было, как не было и царства — его место заняла империя. <...> В самый торжественный момент коронации, при «установлении» короны на голове, она <Елизавета Петровна. — Е. П.> взяла корону из рук Амвросия и сама водрузила это сверкающее бриллиантами и сапфирами сооружение на свою прелестную головку [Анисимов: 98].

И хотя коронационная риторика была заявлена как «петровская», а в ряде случаев, особенно там, где речь шла о женском правлении, она повторяла аннинскую, во многом она принципиально отличалась от предшествующих [Wortman, Каганов, Кириченко 1999, Кириченко 2001, Проскурина].

Роль императрицы в подготовке торжеств по случаю заключения Абовского мира в 1743–1744 гг. была не менее важной. Этому периоду историки официальной культуры, как правило, почти не уделяют внимания, поэтому следует остановиться на нем несколько подробнее.

Абовский конгресс начался в январе 1743 г. Генерал-аншеф А. И. Румянцев и генерал-инженер барон фон Любрас выехали в Або, чтобы представлять Россию на этом конгрессе, а в Петербурге всю весну продолжались конференции, на которых регулярно присутствовала императрица. Голос Елизаветы в сохранившихся документах слышится вполне отчетливо. И, как правило, замечания ее касаются не столько деталей переговоров, сколько значения, «идеологии» мира в целом. Елизавета занята скорее формулировками, чем решением конкретных политических задач. Ее выступления дают возможность проследить, как настойчиво она трансформирует привычную для дипломатов этого времени «петровскую» идиоматику.

22 февраля 1743 г. императрица велела целому ряду лиц подать мнение об условиях мира со Швецией. При всем различии позиций и доводов, которые появляются в этих мнениях, идиоматика их очень близка. Так, например, фельдмаршал князь Трубецкой указывал, что следует удержать всю Финляндию: «Возвратить ее Шведской короне ни по каким пра-

вильным причинам невозможно, ибо в противном случае не только *всему свету подастся повод рассуждать не к пользе и не к славе оружия ее величества*» <здесь и далее курсив мой. — Е. П.>. Вице-канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин в своем мнении писал: «*Вся почти Европа, равно как соседи наши турки и персы, открытыми глазами смотрят, какое мы доставим себе вознаграждение и удовлетворение за наглое со шведской стороны нарушение мира и нанесенные России тяжелые военные убытки*». Здесь представлена одна из ключевых тем «военных» панегириков и исторических опусов петровского времени: и война, и мир происходят на «театре войны», на глазах у внешнего наблюдателя, а внешний наблюдатель, в свою очередь, внимательно следит за всем, что происходит в России¹.

Другой пример того, какой была устойчивая идиоматика дипломатического «жаргона» в начале правления Елизаветы, дает конференция 24 апреля 1743 г., которая, в лучших традициях петровского «утилитаризма», рассудила следующее: «По настоящим ныне в Европе конъюнктурам и состоянию здешней империи весьма желательно и нужно, чтоб война прекращена была *полезным миром*». На это мнение императрица отвечала: «Лучше нам оставить за собою малое, да *нужное*, а шведам уступить большее и *им полезное, а нам ненужное*». Уже здесь мы видим, что Елизавета меняет одностороннюю «утилитарную» систему аргументов: она вводит вторую точку зрения — «нам» или «им», полезно или нужно (заметим, учет императрицей «чужих» интересов станет важной чертой внешнеполитической «мифологии» при Елизавете).

Продолжение этой речи Елизаветы об условиях мира также очень показательно. Собрание поставило вопросы об опасности выступления Дании против России и о военных расходах, которые в этом случае будут неизбежными. На первое опасение Елизавета ответила:

Противу опасности от имеющих вступить в нынешнюю против нас войну предлагается от нас собранию: во-первых, *помощь Божия*, от многих лет государство наше в правде защищающая;

да и опасности теперь еще на деле не видно, а если б и оказалась, то имеем на границах войско.

По поводу второго опасения Елизавета опять же заметила:

Что государству нашему от продолжающейся войны не без тягости, и на оное ответствуем, что оное все как было, так и будет *по предвидению Божию*; однако ж видели и видим, что *Господь Бог в правде государству нашему свою помощь подавал и подают*; сего и впредь от его ж благословения ожидать имеем [Соловьев: 216, 220–221].

То есть министры обращаются к императрице на языке гражданского панегирика петровского времени, говорят ей про театр войны, тишину и полезный мир, а она отвечает им на языке торжественной проповеди. Елизавета представляет себя некоторой внешней силой, которая стоит выше сторон, видит свою миссию, среди прочего, и в том, чтобы превратить заключение мира из нагромождения политических и территориальных уступок и требований в торжество высшей справедливости, которое достижимо при следовании Божественному Промыслу.

Все дальнейшие шаги Елизаветы по ратификации мира и организации торжеств по этому случаю также крайне показательны. В первую очередь они демонстрируют, что, с точки зрения Елизаветы, мир этот должен был быть понят не только как военная победа, но как событие, указывающее на особый статус власти императрицы (так, Ништадтский мир послужил основанием для поднесения Петру I императорского титула).

Мир в Або был заключен 7-го августа, и 12-го числа императрице в Петербурге было уже известно о состоявшемся заключении мира: в этот день по ее указу в Академию наук был направлен для правки проект триумфальных ворот для мирных торжеств («По приличности сочиня, — указывала Елизавета, — взнести в правительствующий Сенат» — [Материалы: 809]). Однако подписала Елизавета мирный договор только через неделю, 19-го августа². И с дальнейшими шагами по ратификации договора императрица не спешила: только 4-го сентября договор был передан в Сенат для опубликова-

ния, то есть был обнародован к тезоименитству императрицы, которое приходилось на 5-е сентября. Официальное празднование мира Елизавета назначила на 15-е сентября, на следующий день после праздника Воздвиженья. Напомним, что Ништадтский мир был подписан 30 августа, Петр получил известия о нем 4-го сентября, тут же подписал и приказал опубликовать, а уже 5-го сентября начались торжества по случаю заключения мира. Благодаря календарной близости двух мирных договоров (и Ништадтский, и Абовский мир пришлось на август), Елизавета, при желании, вполне могла точно повторить хронологию Ништадтских торжеств. Но у императрицы определено были иные планы.

Елизавета задержала подписание мира до 19 августа, конечно же, не случайно: это был день, в который Петр объявил войну Швеции в 1700 г. 18 августа 1700 г. Петр получил известия о заключении мира с Турцией и на следующий день объявил войну Карлу XII. После подписания договора Елизаветой наступает пауза: она, по-видимому, переживает 30-е августа, день заключения Ништадтского мира и перенесения мощей св. Александра Невского, чтобы в сентябре вернуться к мирным торжествам.

Мощи св. Александра Невского, как известно, были перенесены Петром в Петербург в 1724 г. в ознаменование заключенного двумя годами ранее мира³. Кроме того, Петр собирался учредить орден св. Александра Невского (и отнести на 30-е августа его ежегодное празднование). Орден был учрежден уже при Екатерине I, и до 1741 г. включительно в календарях под 30-м августа значилось: «Кавалерский праздник св. Александра Невского, и воспоминание замирения с Шведскою короною»⁴. В календаре на 1742 г. в названии осталось только «Кавалерский праздник св. Александра Невского». Такое изменение было, конечно же, связано с тем, что «замирения» больше не существовало: Россия находилась в состоянии войны со Швецией [Календарь 1741, Календарь 1742].

29 августа 1743 г., через 10 дней после подписания мира и накануне годовщины Ништадтского мира, Елизавета потребовала сообщить ей «мнение» Синода касательно ее намерения

«установить крестный ход 30 августа в Санкт-Петербурге, из церкви Казанской Божией Матери в Невский монастырь <...> для украшения службы Божией и обрядов церковных». Первый ход должен был иметь место уже на следующий день, 30 августа. Елизавета спрашивала «о пристойности сего дела» и о том, «каким порядком оной церемонии быть». Синод констатировал, что намерение императрицы «весьма есть пристойное», и «церемонии надлежит быть так, как в Москве бывает» [Постановления: № 438]. А 13 сентября 1743 г. последовал указ императрицы, который гласил: «В предбудущие годы оное крестное хождение отправлять на тот день» [Постановления: № 446]. Елизавета, таким образом, не только не предпринимает попытки связать хронологически «свой» мир с Ништадским, но и не восстанавливает гражданского празднования Ништадтского мира (при Елизавете оно так и не вернулось в календарь), зато праздник церковного календаря делает еще более пышным, вводя ежегодное крестное хождение. Текст церковной службы, разумеется, сохранил упоминания мира, заключенного в 1721 г.; то есть «дела Петра» сохраняет церковный календарь, гражданский же имеет актуальный характер и посвящен делам правящего монарха.

Елизавета, как мы видим, заботится о том, чтобы связать свое заключение мира с началом Северной войны (19 августа), а не с Ништадтским миром (30 августа). Единственная дата, которая совпадает с петровским мирным календарем — 4-е сентября, канун тезоименитства Елизаветы Петровны. И это совпадение, как можно полагать, не было случайным. Празднование Ништадтского мира Елизавета, конечно же, хорошо помнила, более того, она играла в мирных торжествах 1721–1722 г. особую роль. Хорошо известно, что торжественный въезд в Москву в честь Полтавской победы в 1709 г. был назначен на субботу 18 декабря, но был отложен, поскольку Петр получил известие о рождении дочери. «Были устроены трехдневные торжества при дворе и для народа 18–20 декабря, а торжественный въезд состоялся во вторник 21 декабря» [ГБПВ: 1380]. Для новорожденной принцессы было выбрано имя, которое указывало на это совпадение (а потому

тезоименитство Елизаветы оказалось отстоящим от дня рождения на три месяца): имя Елизавета, как указывалось в календарях, означало «Божья клятва, присяга» [Календарь 1758]. Петр понимал Полтаву как исполнение Завета, данного ему от Всевышнего, и в ознаменование этого завета (начала его исполнения) он назвал дочь Елизаветой. Другим знаком был для него тот факт, что известие о заключении мира со Швецией он получил 4 сентября 1721 г. [Журнал 1720–1725: 58]. На следующий день, то есть в тезоименитство Елизаветы Петровны, началось празднование мира: «во знак толь преславной государственной радости» в Петербурге был «седмодневно <...> при церквах звон, как от дня св. Пасхи во всю светлую седмицу бывает». Вторая неделя петровских торжеств начиналась 22 октября, в праздник Казанской иконы и день освобождения Москвы в 1612 г., в этот день Петр был провозглашен императором. Третья неделя начиналась в день памяти св. Карла, в день тезоименитства Карла XII, и проходила уже в Москве. Все празднование длилось 21 день, по количеству лет, в которые продолжалась война. Уже в Москве, на последнем этапе празднования мира, Петр назначил «совершеннолетие» Елизаветы.

Средняя императорская принцесса Елисавета, — пишет Берхгольц, — была объявлена совершеннолетнею, что происходило таким образом: император, взяв ее за руку, вывел из покоя императрицы в смежную комнату <...> здесь поднесли ему ножницы, и он <...> отрезал крылышки, которые принцесса носила до тех пор сзади на платье [Берхгольц: 62].

Елизавете в декабре 1721 г. исполнилось 12 лет, а совершеннолетие было назначено на февраль 1722 г., то есть оно, определенно, было связано именно с мирными торжествами и знаменовало тот факт, что завет, исполнение которого началось с рождением дочери, окончательно исполнен теперь. В 1723 г., первую годовщину мира, празднование началось спуском яхты «Елизавета» [Донесения: 381–385]. И имя Елизаветы, и ее тезоименитство, таким образом, было, как она хорошо знала,

прямо связано с событиями Северной войны и Ништадтским миром [Погосян 2001: 149–162].

Уже в декабре 1741 г., сразу после восшествия Елизаветы на престол, среди картин фейерверка, подготовленного к Новому году, появляется радуга, напоминавшая о том смысле, который Петр связывал с рождением дочери в год Полтавы:

<...> день высокого рождения <...> которой за несколько лет не без особенного смотра Божия, яко *плодоносная небесная дуга* будущия утех, и яко знамение просияшаго ныне времени над сею империею показался [Изыяснение: 139].

Это тема сохранит свое значение на протяжении всего царствования Елизаветы. Напомним хотя бы ломоносовские строки «Дугу поставил в знак покоя» и «Тебя поставил в *знак завета* / Над знатнейшею частью света» из оды 1742 г. или «Нам *радуга* — твое приятие венца» из надписи 1752 г. [Ломоносов: 85, 488].

Не случайно поэтому мирный договор 1743 г. был опубликован к тезоименитству императрицы. Елизавета, как мы видим, своеобразно переставила акценты: ее шведские победы и Абовский мир не столько повторяли достижения ее отца, сколько еще раз подтверждали ее. Елизаветы, особую роль в войнах со Швецией — роль «завета»: как некогда она принесла победы Петру, так теперь ее воцарение принесло победу России.

Второй этап празднования мира — «высокоторжественный день вечного замирения между Российской Империею и Короною Шведскою», — как и при Петре, происходил в Петербурге, но был назначен на нейтральное 15 сентября 1743 г. Елизавета опять предпочла не использовать «петровскую» дату — 22 октября, день празднования Казанской иконы Божией Матери и освобождения Москвы в 1612 г. Однако для самой церемонии Елизавета выбрала церковь Рождества Богородицы [Журнал 1743: 10]. Церковь Рождества Богородицы на Невском проспекте была выстроена в 1737 г., и в ней хранилась икона Богородицы Казанской, перенесенная в новую столицу из Москвы еще Петром⁵. Эту церковь уже при Анне ино-

гда называли Казанским собором⁶, и именно отсюда, как мы видели, должен был начинаться, по указу Елизаветы, ежегодный крестный ход 30-го августа. Как и Петр, Елизавета посвящает второй «петербургский» этап празднования мира Казанской иконе⁷. Этот второй, «петровский» этап был, как можно полагать, посвящен победам Романовых, в том числе и победе над шведами ее отца.

Последний этап торжеств Елизавета, вслед за отцом, перенесла в Москву, но назначила не на Масленицу (праздничный и маскарадный сезон), как это сделал Петр, а на 15 июля. В этот день в 1240 г. состоялась Невская битва, и, кроме того, на эту же дату приходится день памяти св. равноапостольного князя Владимира (Владимир умер 15 июля), сыновья которого св. Борис и Глеб явились Александру во время Невской битвы и прогнали шведов [БДРЛ V: 360]. Оба святых князя, таким образом, имели отношение к борьбе против шведов, и потому попытка Елизаветы связать их с празднованием новой победы над старым врагом не удивительна.

Тем не менее, выбор Елизаветы кажется несколько неожиданным. Как указывает Ф. Батлер, которому принадлежит последнее по времени исследование по истории культа Владимира, этот святой не был прямо связан с Москвой, где Елизавета праздновала победу 15 июля 1744 г. (как, впрочем, и Александр Невский). Места Владимира⁸ — это, в первую очередь, Киев и Корсунь; кроме того, в историографической традиции, какой она существовала к началу царствования Елизаветы, Владимиру приписывали основание Владимира на Клязьме, города, куда, по мнению составителя Степенной книги и Синописа, а за ними и целого ряда других исторических трудов, Владимир перенес свою столицу, и которому он дал свое имя [Sinopsis: 208]. Не был Владимир включен и в круг святых, которые особо почитались в Москве при первых Романовых. Даже такой значительный факт, как открытие мощей князя Владимира в Киеве, несмотря на старания Петра Могила и поднесение царю частицы мощей святого, не заинтересовал Михаила Федоровича [Butler: 83–84, 106, 114]. Добавим к этому, что в XVII в. в Москве существовала только одна

церковь, посвященная памяти этого святого, — храм равноапостольного князя Владимира в Старых Садах⁹.

При Петре I, как указывает Ф. Батлер, кроме трагедокомедии Прокоповича «Владимир» и его же Слова, написанных еще в Киеве, был составлен только один панегирик, где Владимир занимает важное место, — это проповедь Гавриила Бужинского, прочитанная в день рождения Петра в 1723 г.: Петр, как просветитель своего народа, сопоставлен тут в простран-ных выражениях с Владимиром и Ярославом.

Со времени Прокоповича и Бужинского, — пишет Батлер, — образ Владимира не занимает значительного места в русском культурном сознании. Тем не менее, описания князя не исчезли полностью. Рассказы о крещении Руси, конечно же, по-прежнему включались в исторические тексты, и события жизни Владимира становились основой для многочисленных литературных сочинений и произведений изобразительного искусства¹⁰.

Среди таких работ он называет историю П. Крекшина, сочинения Я. Княжнина и М. Хераскова, упоминает учреждение Ордена св. Владимира [Butler: 124, 150, 154]. С характеристикой роли, которую играла фигура Владимира в петровскую эпоху, можно, в целом, согласиться (ниже будут приведены материалы, которые показывают, что это утверждение все же не совсем точно). Но во второй половине XVIII в. роль Владимира существенно возрастает, особенно это касается официальной придворной и панегирической культуры. Как писал еще Г. Федотов, именно «в эпоху империи расцветает почитание св. князей Владимира и Александра Невского» [Федотов: 35]. И поворот происходит в первые годы правления Елизаветы Петровны.

Связь между двумя святыми князьями, Владимиром и Александром Невским, была «запрограммирована» уже календарем¹¹. Объединение Владимира и Александра Невского¹² встречается, по крайней мере, в одной композиции петровского царствования. Эта композиция известна нам по фреске церкви Ильи Пророка в Ярославле — «Род царствия благословится», которая была частью цикла «Апофеоз меча». «Имена царевичей — Петра Петровича и Петра Алексеевича, сына и

внука Петра Великого, определяют дату этой картины 1715–1719 гг.» [Первухин: 38], но фреска, по всей видимости, была написана в 1716 г. [Вахрамеев: 71]¹³. В нижней части композиции изображен Владимир, лежащий на боку; из его колена вырастает древо, украшенное медальонами с портретами великих князей и царей (поколения) — все они «сидят» в цветочных чашечках (ими «процвело» российское государство). Непосредственно над Владимиром изображен Александр Невский, над ним — Михаил Федорович, а по сторонам — Алексей Михайлович и его сыновья. На вершине древа помещены цари Петр и Иван Алексеевичи, на нижних ветвях — сыновья Петра: Алексей, Александр и Петр Петровичи, и сын царевича Алексея Петр Алексеевич.

Другая фреска этого цикла иллюстрирует евангельский текст: «Не мните, яко придох воврещи мир на землю: не придох воврещи мир, но меч» (Мф. 10, 34). Здесь, пишет Нил Первухин, посвятивший ярославским фрескам специальное исследование:

меч вонзился в центре композиции в державу, символизирующую мир: он же огромный и багряный с золотом, простерся ее нижним бордюром. Слева Давид простирает меч, ибо он сражал им врагов Израиля, и Голиаф без головы повержен под ним, как яркий пример спасительности употребления меча во имя Божие. За Давидом Соломон напоминает его преемников, а царь Владимир (sic), взят как пример воинственного святого. Правая группа начинается апостолом Павлом, который и на иконах нередко рисуется с мечем, символизирующим духовное оружие — слово Божие (Ефес. 6, 17) <...> Картину венчает серафим с двумя серпами, похожими на мечи. Под этой композицией размещены еще две, меньшего размера — «Корабль нечестия» и «Корабль веры». «Бурно несется первый по волнам житейского моря, и на погнувшемся парусе, которым правит дьявол, герб ада — змей. Безмятежно море под кораблем веры, где сам Христос держит кормило. <...> с корабля еретиков кинулись вплавь трое погибающих, и кроткий ангел с Христова корабля протягивает руки, готовый спасти тонущих нечестивцев» [Первухин: 36–37].

Все три композиции построены по схеме гравюр из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» (1666). Здесь на титульном

листе была помещена композиция с мечем и державой («Не мните, яко приход воврещи мир на землю»), под ней — корабль праведников и корабль грешников, а на следующем листе — Владимир, лежащий на боку, из его колена также вырастает дерево, цари также сидят в чашечках; совпадают и другие детали — деревья по сторонам, двуглавый орел, который держит в когтях полумесяц, и проч. (см.: [Баранович: нenum.]). На гравюре из книги Барановича, как указывает В. Г. Чубинская, которая специально исследовала происхождение интересующей нас композиции, «впервые в произведении изобразительного искусства появляется вырастающее из фигуры князя Владимира генеалогическое дерево» [Чубинская: 304]¹⁴.

Рядом с гравюрой, на которой был изображен Владимир и вырастающее из него дерево, Баранович разместил стихотворение, которое служит комментарием к композиции (начинается комментарий с верхних изображений и движется вниз). Дополнительные толкования этой гравюры помещены в предисловии Барановича, обращенном к царю (в книге еще есть отдельное предисловие к читателю). Из комментария следует, что крест Константина на фоне солнца с надписью «С сем знамении победиши», помещенный в самом верху композиции, «знаменует победу Цареву / Силою Царя распята на древе». «Непостоянная» луна — «всех варвар» (то есть врагов политических), которые у царя Алексея Михайловича «под ногами»; а также «несмысленных непостоянние» (то есть врагов «духовных»).

На гравюре по сторонам двуглавого орла были помещены: слева — обычный орел в короне, который гонится за стаей птиц, некоторые из птиц уже лежат на земле «побежденные», справа — всадник, с крестом на груди и в короне, копьем убивает дракона, а рядом лежит тело побежденного воина. В стихотворении эти рисунки толкуются как победы разного характера:

Орел воздушных врагов побеждает,
А воин земных гоня скончивает...

В предисловии, обращенном к царю, толкование намного пространнее: Баранович говорит, что царь может «стать не точию врагом видимым, но и противу кознем диавольским». И способность эту автор книги связывает с тем, что порода царя «свята»: его дерево «сажено при исходищах вод Крещения», «от благаго корене, Российскаго Самодержца, Святаго Равноапоставльнаго Князя Владимира» [Баранович: нenum.].

«Меч духовный» Барановича был широко известен: эта книга была посвящена царю Алексею Михайловичу, издана за счет московского правительства и, по специальному указу царя, разослана «по монастырям и епархиям» [Эйнгорн: 4]. Лазарь Баранович привез свою книгу в Москву накануне собора против патриарха Никона, к участию в котором он был приглашен.

На соборе 1666–1667 г. Никон был лишен патриаршества, среди прочего, его обвиняли в оскорблении царя и «похищении царского чина и власти». Как указывает А. В. Карташев, в своих притязаниях патриарх опирался на теорию «двух мечей» (двух властей — «царства» и «священства»), которая была хорошо известна в России до XVII в., и «лишь с необычным темпераментом и крайностью воспринята Никоном» [Карташев: 194–195]. Исходно решение собора об отношении «священства и царства» гласило:

«Царя убо быти совершенна Господа и единого быти законодавца всех дел гражданских. Патриарха же быти послушлива царю». Словом, — указывает Карташев, — ответ был диаметрально противоположный идеям Никона: «царская власть выше патриаршей». Более того, в толковании на решение собора Пансий Лигарид указывал, что русский царь «наречется новым Константином, будет царь и вместе архиерей, как и преданный вере Христовой Великий Константин восхваляется у нас на великой вечерне — *иереем и царем*». Заключительная формулировка собора, данная на заседании 24 января 1667 г., все же была смягчена: «царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — в церковных» [Карташев: 214, 216].

Еще до приговора Никону Баранович четко сформулировал свою позицию: автор «Меча духовного» был сторонником ца-

ря¹⁵. Не случайно поэтому Никон составил «свиток обличений» против «Меча духовного», в котором специально обращался и к интересующей нас композиции. Обличения Никона не сохранились, но сохранился ответ на них Барановича, который писал, что древо «могуще толковатися праведно <...> егда не о наследии Владимира святого сказается, но о державе и владетельстве Российского царства. Еже бо Божию благодатию <...> царь и великий князь Алексей Михайлович <...> самодержец наследием восприял есть <...> Ибо сие древо не знаменует рода, но державу царствия» (цит. по: [Чубинская: 303–304]). Как видно из этой реплики, Никон осуждал желание Алексея Михайловича возвести свою родословную к Владимиру, тогда как Баранович доказывал, что это родословие «не знаменует рода», то есть прямых династических связей, а указывает на родословие «державы», на происхождение государства.

Но речь, конечно же, шла не только о глубине царского родословия: возводя родословие Алексея Михайловича к Владимиру, Баранович доказывал, что Алексей, как и Владимир, является «великим Константином», «иереем и царем». Чубинская сопоставила гравюру из книги Барановича с иконой Симона Ушакова «Древо Московского государства». По мнению исследовательницы, оба изображения знаменуют отношение священства и царства, и, вслед за Барановичем, Ушаков отдает предпочтение светским властям: хотя на иконе «Древо Московского государства» митрополит Петр и Иван Калита совместно «насаждают» древо, но по сторонам древа изображены только царь с царицей и царевичами — в прошлом священство и царство были уравнены, в настоящем же царство преобладает. Появление этой иконы в 1668 г. «было вызвано необходимостью зримого воплощения политической доктрины, проводившейся при дворе и утверждавшей главенство царя над патриархом» [Чубинская: 303–304, 306].

Но существует и важное отличие: у Ушакова «древо Московского государства», которое насадили царь и митрополит, вырастает из Успенского собора Кремля, который «процвел» Владимирской иконой и святыми русской земли. У Баранови-

ча древо вырастает не из храма, а из колена Владимира, «нового Константина», власть («два меча») которого наследовали Александр Невский и Михаил Федорович¹⁶. То есть царство преобладало над священством и в прошлом, и в настоящем. И «Меч духовный» Баранович без всяких сомнений вручает не патриарху, а царю, что символически было выражено в поднесении книги монарху.

Роль Владимира в книге Барановича определенно продиктована обстоятельствами конца 1660-х гг. Гравюра указывала на длительное «вдовство» русской церкви между 1658 г., когда Никон покинул патриарший престол, и 1667 г., когда был поставлен новый патриарх, и на способность наследников Владимира носить «два меча», доставшихся по «наследию державы» сначала Александру Невскому, а потом Михаилу Романову.

На вопрос о том, почему в 1716 г. гравюры из книги Барановича были «востребованы» и послужили образцом для создания сложной многофигурной композиции в Ярославле, однозначно ответить пока сложно. Отметим только, что ярославские фрески не просто повторяют гравюры из книги Барановича: в ряде случаев изображение дополнено на основании предисловия к книге, в котором был помещен комментарий к композиции. Так, например, на фреске за спиной Давида появился Соломон, а за ним Владимир, которых не было на оригинальной гравюре, но которые прямо связаны с Давидом в комментарии, в той его части, где речь идет о послушании царю. Уже эти дополнения убедительно показывают, что автор ярославской композиции не просто копировал гравюры, но внимательно читал «Меч духовный» и хорошо помнил обстоятельства появления этой книги.

Можно осторожно предположить, что композиция не случайно появилась именно в Ярославле. Ярославль принадлежал к митрополии Ростовской и Муромской, то есть к митрополии местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского. В 1715 г. Стефан Яворский, и уже не в первый раз, хотя в первый раз так настойчиво, осмелился противиться воле царя в связи с делом «еретика» Тверитинова. Приблизительно в это же время Стефан активно работает над своей книгой «Камень

веры» (книга была закончена в 1718 г.). В последней главе, где речь идет о предании еретиков смерти, в «претыкании пятом», он специально останавливается на концепции «двух мечей». Стефан говорит здесь о том, что у земной церкви есть духовные и мирские начальники, «акибы две руке», и в них «два меча», духовный и вещественный [Камень веры: 255]¹⁷. То есть Стефан, если и не соглашается с Никоном, то строго следует решениям собора 1667 г. о разделении власти священства и царства: в руках царя — только вещественный меч. В этом контексте вполне понятно желание мастеров из Ярославля (а скорее, видимо, духовенства) продемонстрировать Петру I свои верноподданнические чувства. Для этого они используют вполне «петровскую» по своему духу концепцию Барановича.

Впервые при Елизавете изображение Владимира, а вместе с ним и интересующая нас «тема» появляется в 1742 г. в процессе подготовки к коронации, когда на триумфальных воротах, выстроенных от Синода, было также изображено «древо царствия», вырастающее из Владимира. Описание указывает, что был изображен «Святой Владимир лежащ, и от чресл его древо произростшее, на которого ветвях изображен род царский даже до государыни императрицы Елисавет Петровны, а Ее Императорское Величество посреди», с подписью: «Довольно показывает, отколе начало рождения нашего ведаем» [Материалы: 817]. Кто именно был автором программы для коронационных Триумфальных ворот, точно не известно (она была «одобрена» архиепископом Амвросием Юшкевичем и графом Семеном Салтыковым, которые наблюдали за подготовкой коронационных торжеств, а ворота «строил» архитектор Мичурин [Постановления: № 42]).

Празднование шведского мира в Москве, как и коронавание, было устроено со всей торжественностью. Москва вновь была украшена Торжественными вратами и иллюминациями. На этот раз проект «картинам, статуям и эмблематическим фигурам, которыми предполагается украсить в Москве триумфальные ворота при торжественном въезде Ее Императорского Величества по случаю заключения мира» был составлен в октябре 1743 г. унтер-библиотекарем Иваном Таубертом и

адьюнктом Христианом Крузиусом [Баранов: № 9124]. По этому проекту, существующие коронационные ворота должны были быть заново украшены, чтобы соответствовать торжествам по случаю мира. 8-го октября Елизавета Петровна лично рассмотрела проект триумфальных ворот в Москве и указала:

Первых ворот фигурам и описаниям быть так, как оные учинены <...> против которых пунктов поставлены кружки и нотабене, те вновь по приличности будущего в Москве торжества переправить; а прочим и против которого пункта Ее Императорского Величества собственною рукою написано «Сие взнестъ» учинить так, как в том описании означено [Материалы: 906].

Для исправлений был определен «архитектор Шумахер». Экземпляр с поправками Елизаветы обнаружить пока не удалось, но, как явствует из описания новых триумфальных ворот, родословное древо, вырастающее из чресл Владимира, было сохранено.

Случайно ли на Триумфальных воротах в 1742 и потом 1744 гг. была помещена редкая композиция, которая восходит к «Мечу духовному» Барановича и была повторена в ярославском цикле «Апофеоз меча»?

Как уже было отмечено, при коронации Елизаветы среди государственных регалий впервые появляется меч, и впервые императрица коронует себя сама. Добавим к этому, что появление меча среди регалий было подготовлено серией публикаций в «Ведомостях», где в период между 26-м февраля и 1-м апреля 1742 г., то есть непосредственно накануне коронавания новой императрицы, описывался «Въезд во Франкфурт и коронавание Его Римского Королевского Величества». Здесь, среди прочих императорских регалий, дано было и описание меча, который «вострием кверху» в торжественной процессии несли курфюрсты, точнее, их маршалы [Ведомости 1742: 65–116].

Меч появляется и на картинах, украшавших триумфальные ворота. На коронационных воротах меч был включен в состав только одной эмблемы. В 1744 же году, во-первых, сама Елизавета Петровна была представлена «в храме», где она «пре-

клоня колено, полагает на жертвенник скипетр и меч, аки в приношение», с надписью «Твоя от твоих тебе приносяще»; во-вторых, меч появляется теперь в составе ряда эмблем: «Скрижали, а на скрижалях меч» («Закон управляет, меч защищает»), «Меч, на его верху око» («Сила и привидение»), «Глобус, поддерживаемый книгой и мечем» («Сими мир стоит») [Материалы: 812–813, 818, 823, 824]. Мечи здесь, конечно же, указывают на военные победы над шведами. Однако, как подчеркивает Г. В. Вилинбахов, посвятивший семантике меча в русской геральдике XVII–XVIII вв. специальную работу, «меч трактуется как символ власти», это значение восходит «к образцу герба Священной Римской империи», где «меч духовный» как бы передается в руки светского государя и происходит слияние «двух мечей» в единый, несущий в себе идею светской и духовной власти» [Вилинбахов].

При всем отличии тематики, которая была использована для того, чтобы идеологически представить коронацию императрицы от празднования мира со Швецией, ряд тем был сохранен, и среди них была тема «двух мечей», отношения светской и духовной власти, представленная изображением Владимира под деревом.

Появление картины с Владимиром на воротах в 1742 г. и сохранение этой картины в 1744 г. было продиктовано обстоятельствами отношений Елизаветы с духовенством. Хорошо известно, что приход к власти Елизаветы духовенство встретило с большим воодушевлением. Н. Попов, исследователь панегирической проповеди елизаветинского времени, писал:

Чувство ненависти к иноземцам, захватившим в свои руки значительную часть управления, имевшим влияние даже на церковные дела; <...> раздражение, вызванное полемикой с католическим и лютеранским учениями: все это не мало содействовало тому, что перемена правительствующего лица, обещавшего положить конец прежнему порядку вещей, встречена была расположением со стороны духовенства. И действительно, в большей части проповедей, произнесенных в царствование Елизаветы Петровны, не трудно заметить под торжественным, официальным покровом

церковного красноречия радостное чувство победы [Попов 1859: 1–2].

Но уже в начале 1742 г. перед императрицей встала проблема, которая возвращала вопрос о духовном мече в руках светского правителя ту остроту, которую он имел в 1667 и потом в 1721 гг.

Сразу после восшествия Елизаветы на престол, Новгородский архиепископ и глава Синода Амвросий Юшкевич выхлопотал у императрицы назначение в Святейший Синод и на Ростовскую кафедру для своего ученика и близкого друга Арсения Мацеевича. В марте Арсений прибыл в Москву для коронационных торжеств и вскоре составил записку «О благочинии церковном». Эта записка, подписанная Арсением Мацеевичем и его покровителем Амвросием Юшкевичем, тогда же была представлена Елизавете. В первой части записки Арсений доказывал необходимость восстановить патриаршество, при этом Петр I был изображен здесь не как инициатор церковной реформы, а как жертва «лицемерного слуги» Феофана Прокоповича. Во второй части Арсений жаловался на «грабительства» Коллегии экономии и, как следствие, бедность монастырей [Попов 1905: прил. 4. С. 28–36].

Императрица не спешила с ответом на эту записку, и 17 ноября 1742 г. авторы ее составили новое сочинение под названием «Всеподданнейшее предложение», которое также было поднесено Елизавете. «С точки зрения своей программы, — указывает историк церкви И. К. Смолич, — брошюра от 17 ноября 1742 г. представляла собой значительно более умеренный вариант первой записки тех же авторов: проблема патриаршества была на этот раз едва затронута» [Смолич]. И на этот раз императрица не спешила с ответом, хотя запросы в Коллегию экономии, которые должны были прояснить ситуацию с притеснением монастырей и их обнищанием, были сделаны еще до повторного обращения Амвросия и Арсения.

Наконец, Елизавета публично объявила о своем решении: специальным указом управление церковными вотчинами было выведено из ведения Коллегии экономии и передано Святейшему Синоду [ПСЗ: № 8993]. Этот указ давал ответ на вторую

часть записки Арсения, где речь шла о финансовых притеснениях. Прямого ответа на просьбу о восстановлении патриаршества не последовало. Но выбор даты для опубликования указа о церковных вотчинах был значимым: Елизавета издала указ 15 июля 1744 г., в день памяти св. Владимира. В этот день она праздновала мир со Швецией не только как «Петрова дщерь», но как наследница Владимира — «нового Константина», «иерея и царя», как победительница еретиков-шведов, способная защитить и государство, и церковь. Ни о каком восстановлении патриаршества не могло быть и речи.

Князь Владимир, таким образом, становится значимой фигурой для Елизаветы Петровны уже в самом начале ее царствования. Однако на этом этапе, как мы пытались показать, он представляет довольно узкий круг идей, связанных с вопросом о восстановлении патриаршества.

Показательно, что уже во время поездки императрицы в Киев, которая состоялась тогда же, летом 1744 г.,¹⁸ Елизавета как будто вовсе забыла о Владимире. Здесь, в Киеве, Елизавета «собственноручно благоволила заложить основание церкви в память св. апостола Андрея», «тогда же было определено развести сад», позднее в саду был выстроен дворец [Закревский: 83]. Среди персонажей, которые появляются в подготовленных Киевской академией «увеселений» для императрицы, Владимир также не появляется. Так, например, при въезде императрицы в Киев, ее встречал старец с седой бородой и в древнем княжеском одеянии, на его голове была корона, а в руке он держал скипетр. Старец стоял в колеснице, в которую были запряжены два крылатых коня (роль старца исполнял один из студентов Академии). Старец этот оказался Кием, он произнес приветственную речь, обращенную к Елизавете, в которой называл ее своей наследницей [История русов: 244].

Но уже при Елизавете круг значений, которые были связаны с князем Владимиром, станет быстро расширяться, и в правление Екатерины он займет одно из центральных мест среди исторических предшественников российских императоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Примером может быть церковная служба на заключение Ништадтского мира и перенесение мощей св. Александра Невского, которая ежегодно исполнялась 30 августа. Служба Александру Невскому была составлена Феофилактом Лопатинским в 1714 г. и переработана по случаю перенесения мощей святого Гавриилом Бужинским в 1724 г. [Описание: 170–171]. Здесь «окрестные народы», которые «уклонили на Россию очеса», упоминаются неоднократно: они — зрители, перед ними сначала представлена борьба России и Швеции, а в конце — «апофеоз», во время которого Всевышний венчает Россию венцом славы и мира [Служба: 27–27 об.].
- ² 4 сентября 1743 г. был дан указ «о передаче в Сенат для опубликования <...> мирного трактата, заключенного в Абове 7 августа 1743 г. <...> с высочайшею ратификациею, последовавшею 19 августа» [Баранов: 129].
- ³ Отметим, что св. Александр Невский был важен для Петра не только как первый победитель шведов: князь, как и сам Петр I, родился 30 мая, и потому Петр всегда относился к этому святому, как к одному из своих небесных покровителей.
- ⁴ В 1727 г. празднество было отменено, в 1730 г. снова восстановлено.
- ⁵ Для Петра эта икона имела особое значение [Погосян 2004].
- ⁶ Конечно, церковь выполняла и функцию одной из придворных церквей. Так, при Анне в церкви Рождества Богородицы 3 июля 1738 г. произошло бракосочетание Анны Леопольдовны с герцогом Брауншвейг-Люнебургским Антоном Ульрихом.
- ⁷ Интересно, что Елизавета не отнесла празднование к Рождеству Богородицы 8-го сентября, храмовому празднику, а назначила его на 15-е. Здесь могли сыграть роль два фактора. Во-первых, можно заметить, что императрица не стремилась объединять церковные и гражданские торжества, она любила основательно и с удовольствием отпраздновать каждое из них отдельно. Во-вторых, 8-е сентября могло показаться слишком ранним сроком, учитывая размах предполагавшихся торжеств.
- ⁸ Отведем возможное предположение о том, что Елизавета выбрала 15 июля только из-за Невской битвы: Владимир, как будет показано ниже, был представлен не только в календаре мирных торжеств.

- ⁹ Храм впервые упоминается в духовной грамоте Василия I в 1423 г., ныне существующий храм возведен в 1660 г.
- ¹⁰ "Since the time of Prokopovich and Buzhinskii, the image of Vladimir has not figured prominently in the Russian cultural consciousness. Nevertheless, Russian depictions of the prince did not vanish entirely. Accounts of the conversion of Rus' would, of course, be included in historical texts, and events from Vladimir's life would form the basis for numerous works in a variety of literary and visual media".
- ¹¹ Это календарное совпадение породило не подтвержденную документально исследовательскую версию о том, что канонизация Владимира как местного новгородского святого была связана именно с Невской битвой и последовала вскоре после нее (впервые высказана: [Голубинский: 63–64]). Эта версия была убедительно опровергнута в двух независимых исследованиях, вышедших почти одновременно: в уже упоминавшейся книге Ф. Батлера [Butler: 66 и след.] и в фундаментальном труде О. В. Лосевой [Лосева: 91–92].
- ¹² Чаше оба князя вместе появляются среди многочисленных киевских, владимирских и московских князей.
- ¹³ Хотя, возможно, «в основе ее лежит образец, принадлежащий более раннему времени» [Турцова: 361]. Для нас важно, что около 1716 г. композиция эта была актуальна, и авторы росписи в Ярославле считали необходимым ее воспроизвести.
- ¹⁴ Отметим, что уже в «Степенной книге» Владимир представлен как корень царского древа. Здесь он — первый «самодержавный» правитель уже потому, что еще до крещения носит «владыческое имя» («влады миром»), после же крещения «тезоименитство царского звания приобрете» (Василий — «по русскому языку толкуется царь»). Оба имени Владимира свидетельствуют о том, что он получил власть непосредственно от Всевышнего, так же как и «процветший иже от чресл его многорасленный плод благоверный в род и род непреложные исполнители бяху всему закону христианскому» [БДРЛ XII: 380–382, 388].
- ¹⁵ В дополнение к этому Баранович специально останавливается в предисловии к своей книге на необходимости повиноваться царю: в предисловии он выстраивает рассуждение, которое все составлено из библейских цитат. Рассуждение начинается с первых четырех стихов тринадцатой главы послания Павла к римлянам, где речь идет о покорности властям, о том, что нет власти не от Бога, и что властитель, как Божий слуга, накажет противящихся, поскольку он не напрасно меч носит. От Павла он переходит

- к царю Давиду, которого Бог препоясал силою, и к Соломону, согласно которому царский гнев подобен ярости льва, и раздражающий его грешит против своей души (Притчи 20, 2). Эта часть предисловия звучит как прямая угроза Никону.
- ¹⁶ Объединение у Барановича Владимира, Александра Невского и Михаила Федоровича требует дополнительных объяснений, по видимому, они представляют три «поколения» князей — киевских, владимирских и московских. Требует самостоятельного комментария и роль Александра Невского в придворной культуре при Елизавете в целом. Обе темы будут рассмотрены в отдельном исследовании автора настоящей статьи.
- ¹⁷ Напомним, что «Камень веры» был напечатан в 1728 г. и запрещен Анной Иоанновной по восшествии ее на престол. Елизавета Петровна одним из первых указов разрешила продажу запрещенной книги, о чем 29 января 1742 г. сообщили «Ведомости» [Ведомости: 70]. Вряд ли Елизавета перечитала эту книгу перед тем, как разрешить ее продажу, но мы знаем, что у книги были сторонники (к ним принадлежал Амвросий) и противники. Кто-то из противников вполне мог указать императрице на рассуждения в последней главе и их «подтексты». Впрочем, круг чтения Елизаветы, пока еще недостаточно изученный, может оказаться намного шире, чем принято считать [Писаренко: 609–615, 625–632].
- ¹⁸ Елизавета отправилась в Киев сразу по окончании мирных торжеств: она прибыла туда 25 августа и покинула город 12 сентября.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов: *Анисимов Е.* Елизавета Петровна. М., 2002.
- Баранов: Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санктпетербургском Сенатском архиве за XVIII в. СПб., 1878. Т. III: 1740–1762 / Сост. П. Баранов.
- Баранович: *Баранович Л.* Меч духовный. Киев, 1666.
- БДРЛ V: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. V.
- БДРЛ XII: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2003. Т. XII.
- Берхгольц: *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 2.
- Вахрамеев: *Вахрамеев И. А.* Церковь святого пророка Илии в г. Ярославле. Ярославль, 1906.
- Ведомости: Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 1742.

- Вилинбахов: *Вилинбахов Г. В.* Символика меча в русской государственной геральдике XVII – первой четверти XVIII вв. 2004. <http://sovet.geraldika.ru/article.php?coatid=6071>
- Голубинский: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых русской церкви. М., 1903.
- Донесения: Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сборник РИО. СПб., 1885. Т. 49.
- Журнал 1720–1725: Походный журнал 1720–1725 гг. СПб., 1855.
- Журнал 1741–1742: Придворный журнал 1741–1742 г. СПб., 1883.
- Журнал 1743: Журналы церемониальные, банкетные и походные, 1743 года. <Б.м.>, <б.г.>.
- Закревский: *Закревский Н. В.* Описание Киева. М., 1868. Т. 1.
- Изъяснение: <Гольдбах Х., Штелин Я. Я.> Изъяснение аллегорических изображений при фейерверке и иллюминации <...> в первый вечер нового 1742 года в Санктпетербурге представлены были. <СПб.>, <1742>.
- История русов: *Конисский Г.* История русов. Киев, 1991.
- Каганов: *Каганов Г.* Тело государыни как фактор истории и культуры (Императрица Елизавета Петровна и строительство Петербурга) // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. Москва; Венеция, 1999. Т. 3 <11>. С. 36–53.
- Календарь 1741: Санктпетербургский календарь. СПб., 1758.
- Календарь 1742: Санктпетербургский календарь. СПб., 1758.
- Календарь 1758: Санктпетербургский календарь. СПб., 1758.
- Камень веры: <Яворский С.> Камень веры православным церкви святой сынам на утверждение и духовное созидание, претыкающимся же о камень претыкания и соблазна на восстание и исправление. М., 1728.
- Карташев: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2.
- Кириченко 1999: *Кириченко Е.* Священная топонимика российских столиц: взаимосвязь и взаимовлияние // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. Москва; Венеция, 1999. Т. 3 <11>. С. 20–35.
- Кириченко 2001: *Кириченко Е. И.* Запечатленная история России. М., 2001. Т. 1, 2.
- Ломоносов: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 8.
- Лосева: *Лосева О. В.* Русские Месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Материалы: Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. 5.
- Описание: *Быкова Т. А., Гуревич М. М., Козинцева Р. И.* Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Дополнения и приложения. Л., 1972.
- ПБПВ: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. 9.
- Первухин: *Первухин Н. Г.* Церковь Ильи Пророка в Ярославле. М.: Из-во К. Ф. Некрасова, 1915.
- Писаренко: *Писаренко К.* Жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.
- Погосян 2001: *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.
- Погосян 2004: *Погосян Е.* Петр I накануне петровских реформ // Лотмановский сборник, 3. М., 2004. С. 13–40.
- Попов 1905: *Попов М.* Арсений Матеевич, митрополит Ростовский и Ярославский. СПб., 1905.
- Попов 1859: *Попов Н.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летопись русской литературы и древности. М., 1859. Т. 2. С. 1–33.
- Постановления: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование императрицы Елизаветы Петровны. СПб., 1889. Т. 1 (25 ноября 1741–1743).
- Проскурина: *Проскурина В.* Миф об Астрее и русский престол // Новое литературное обозрение. 2003. № 63.
- ПСЗ: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1740–1743. СПб., 1830. Т. 11.
- Служба: Месяца августа 30 дне. Служба благодарственная Богу, в Троице святей славимому, на воспоминание заключенного мира, между Империею российскою и Короною швейскою. В том же дне празднуется и перенесение мощей святого благоверного князя Александра Невского. СПб., 1725.
- Смолич: *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 гг. www.sedmitza.ru/index.html?did=4445
- Соловьев: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. 11. Т. 21.
- Турцова: *Турцова Н. М.* Литературные источники и политические идеи некоторых сюжетов Ярославских икон второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 351–362.

- Чубинская: *Чубинская В. Г.* Икона Симона Ушакова «Богоматерь Владимирская. Древо Московского государства», «Похвала Богоматери Владимирской» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 291–308.
- Федотов: *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1996.
- Эйнгорн: *Эйнгорн В. О.* Книги Киевской и Львовской печати в Москве в третью четверть XVIII века. М., 1894.
- Butler: *Butler, Francis.* Enlightener of Rus': the image of Vladimir Sviatoslavich across the centuries. Bloomington, Ind.: Slavica, 2002.
- Pogosjan 2005: *Pogosjan J.* Masks and Masquerades at Court of Elizaveta Petrovna (1741–1744) // Russian History from the Time of Troubles to the End of the Gorbachev Era. University of Wisconsin Press (in press).
- Sinopsis: *Sinopsis, Kiev 1681: Facsimile / mit einer Einleitung von Hans Rothe.* Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. 17. Köln: Böhlau, 1983.
- Wortman: *Wortman R. S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton University Press, [1995].

В. А. ОЗЕРОВ И А. А. ШАХОВСКОЙ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

История взаимоотношений драматургов — это, прежде всего, история постановки «Поликсены» — последней трагедии Озерова, в неуспехе которой современники обвиняли Шаховского. Насколько оправданы были эти обвинения и что было причиной их появления?

Традиционно конфликт вокруг «Поликсены» описывался исследователями как один из эпизодов «войны на Парнасе» между шишковистами и карамзинистами. Однако, на наш взгляд, более продуктивно будет рассмотреть отношения Шаховского и Озерова как самостоятельный сюжет.

Вероятнее всего, тесное общение драматургов началось в 1804 г. в период подготовки «Эдипа в Афинах» Озерова. Трагедия была поставлена, главным образом, стараниями Шаховского и А. Н. Оленина: первый руководил актерами (см.: [Арапов: 167]), второй готовил эскизы костюмов и декораций (см.: [Озеров 1960: 419]). Вместе с И. А. Крыловым они составили неофициальный театральный комитет, готовивший в дальнейшем все без исключения трагедии Озерова (см.: [Мелведева 1964: 44]).

По-видимому, и в литературной полемике с эпигонами Карамзина в 1800-е гг. оба драматурга оказались в одном лагере. Подтверждает это статья в защиту «Нового Стерна» Шаховского, опубликованная в «Северном вестнике» (1805, № 11) и, по общему мнению исследователей, написанная Озеровым (см.: [Гозенпуд: 17; Рогов 1992: 124–125]). Как отметил К. Ю. Рогов, выступление драматургов единым фронтом было обусловлено общей литературной и политической позицией кружка Оленина в 1803–1807 гг. [Рогов 1992: 122] Однако